

«Праздник середины лета» М.А. Хансена и «Мертвые души» Н.В. Гоголя

Клокова Юлия Вячеславовна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Поиск параллелей между датской модернистской повестью М.А. Хансена и русским классическим произведением Н.В. Гоголя не представляется чем-то, самым собой разумеющимся. Однако внимательный читатель не пройдет мимо того обстоятельства, что на столе главного героя «Праздника середины лета», Писателя, среди прочих книг лежит томик «Мертвых душ». Возможно, это – указание на родство поэмы и создаваемого героем романа.

«Мерцающая» граница между мертвым и живым – главная точка взаимодействия произведений как на сюжетном, так и на стилистическом уровнях.

Сравнение фабул обнаруживает лишь некоторое сходство. Чичиков стремился купить души «не живые в действительности, но живые относительно законной формы», а в повести датчанина герои мертвы, но представляют себя в окружении жизненных реалий или изображаются живыми на страницах романа Писателя.

Своеобразно в произведениях обыгрывается и «фигура фикции» [Белый: 82]. Как «миражная интрига» (Ю. Манн) женитьбы Чичикова приняла «живой вид», так и у Хансена сцена ревности, разыгравшаяся в трактире, лишь «греза мертвых», ведь герои на самом деле одиноко сидят в Царстве смерти на расстоянии «многих световых лет» друг от друга.

Мотив странствия, дороги, столь важный для композиции гоголевского произведения, по-своему обыгрывается Хансеном. И Чичиков, и Георг – ловцы «мертвых душ». Один путешествует от помещика к помещику, другой заходит в разные палатки с аттракционами на празднике середины лета. На страницах русского романа возникает галерея портретов «обездушенных» помещиков и чиновников. Герой Хансена намеревался поместить нового знакомого «в коллекцию» собранных людских типов.

Гоголевское желание представить жизнь России во всей ее полноте находит соответствие и в наказе, полученном Георгом, идущим на праздник, от Дедушки: «Ты должен пойти и увидеть все».

К теме праздника Хансен обратился не без влияния своеобразной концепции гоголевского романа. Эта тема предполагает несколько уровней прочтения. Прежде всего перед читателем сатирический памфлет на «мертвые души 30-х гг» XX в. [Nissen: 292]: бездарных критиков, бездуховных власть имущих, пьянствующих обывателей. Однако под социальной проблематикой скрывается метафизическая. Не случайно Читательница замечает, что «уже удовлетворила» свое желание погрузиться в преисподнюю. Как Гоголь в первом томе изобразил «путешествие по аду российской действительности» (А. Герцен), так и Хансен создает свой образ геенны с толпой людей-теней, «довольно ценных душ», которые перемещаются по праздничной площади «пьяного от пива», «вульгарного Парадиза».

Характеризуя стиль описаний в «Празднике середины лета», Т. Бьернвиг отмечал, что в повести «точки зрения все время меняются, перемешиваются демоническим образом» [Bjørnvig: 89]. В тексте одно и то же явление предстает и как живым, и как мертвым; приводятся оксюмороны, родственные самому названию «Мертвые души» (например, в усадьбе «цвел Дух в пору своей смерти»). Метафоры и сравнения в повести Хансена часто предстают в гротескной стилистике Гоголя. Так, материализуются вещи, которые нельзя опредмечивать («зеленая тыква сердца Клары созрела» // у Манилова «глаза сладкие, как сахар»).

Прием «мимикрии духовности», который обнаружил в «Мертвых душах» Ю. Манн [Манн: 418], использует в своем произведении и датский автор. Писатель прямо заявляет: «Жизнь души описывают биологически... Может быть, я могу кое-что прибавить к этой односторонности, описав биологическое одухотворенно».

Оборот «мертвая душа», помимо указания на текст Гоголя, встречается в повести всего один раз – как презрительное обозначение героя Читателя. В тексте противопоставляются два типа читателей - «мертвая душа» и «тот единственный» (обе характеристики Писатель хранит в «павлиньем хвосте заимствованных слов»).

По мнению героя, читатель – это alter ego автора. Он присутствует в тексте и душе повествователя как «сиамский близнец», оправдывает усилия пишущего, является «спасителем» и «гарантом» текста. Без подобного alter ego, как бы писатель ни старался, текст никогда не смог бы родиться на свет. Читатель, появившийся на страницах повести, не может увидеть смысла в замысле романа, обвиняет автора в плагиате, утверждает вслед за критиком, что в разгар Второй мировой войны подло писать беллетристику. Читатель только «ученик», который относится к тексту потребительски - хочет получать, ничего не дав, ленясь задействовать свою душу – это «мертвая душа», не способная участвовать в создании произведения.

Способна чувствовать и потому дописывает роман Читательница. У нее творящая, неравнодушная, страдающая и искупающая грех автора душа. Такого рода читателя герой Хансена, вслед за Киркегором, называет «тот единственный» (hin enkelte).

С одной стороны, своим текстом Писатель высвечивает либо «мертвечину», либо «живость» души Читателя. С другой, выводит повествование на сакральный уровень. Термин «тот единственный» Киркегор употреблял в том числе и для характеристики человека, способного возвыситься над сферой этической и перейти в сферу более истинную – религиозную. Движение человеческой души в поисках самой себя и для утверждения собственного существования возможно лишь при том условии, если она «живая». Если же душа «спит», то она не заботится о собственной экзистенции, а потому мертва.

Хансен в своей повести переосмыслил идейные и художественные открытия, как он сам говорил, «знаменитого повествования Гоголя» и создал свой оригинальный художественный текст, полный цитат и аллюзий.

Литература

Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.

Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996.

Bjørnvig Th. Kains alter. København, 1964.

Nissen J. Den unge Martin A.Hansen. Viborg, 1974.